

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Г. Троицкий
И.С. Пальмов
Г.И. Шавельский

Памяти преосвященного Бориса
(бывшего ректора С.-Петербургской Духовной Академии)

Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 12. С. 926-947.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Памяти † преосв. Бориса

(бывшаго ректора с.-петербургской академіи).

I. Преосвященный епископъ Борисъ, какъ ученый ¹⁾.

ЛИЧНОСТЬ каждого человѣка, относительно внѣшняго наблюденія, представляетъ собою какъ бы многогранникъ, съ большимъ или меньшимъ количествомъ угловъ. Смотря по тому, съ какой стороны и подъ какимъ угломъ зрѣнія совершается наблюденіе данной личности, смотря по этому высказывается о ней то или иное сужденіе. Соотвѣтственно этому, и о личности преосвященнаго Бориса могутъ высказываться разныя сужденія, смотря по тому, съ какой стороны больше наблюдали и больше знаютъ его личность. Мнѣ, какъ сотруднику «Церковнаго Вѣстника», ведшему въ немъ въ 1884—1888 гг. отдѣлъ обзорѣнія журналовъ, а потомъ, съ 1894 г. по сіе время, состоящему помощникомъ редактора, пришлось наблюдать личность называвшагося въ мірѣ Владиміра Плотникова, а потомъ архимандрита и епископа Бориса, со стороны его ученой и литературной дѣятельности. А потому я и осмѣливаюсь сказать нѣсколько словъ о его личности съ этой именно точки зрѣнія.

Въ исторіи русской церкви, въ ряду русскихъ іерарховъ, имя преосвященнаго Бориса сохранится для памяти потомства, какъ имя «ученаго іерарха». Несмотря на сравнительно непродолжительный періодъ дѣятельности и несмотря на то,

---

¹⁾ Всѣ три рѣчи произнесены на академ. собраніи 29 окт., посвященномъ памяти почившаго іерарха. См. „Церк. Вѣстникъ“ № 44.

то чисто-ученая дѣятельность его соединялась съ дѣятельностью общественной и служебной, онъ оставилъ послѣ себя длинный рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій по очень многимъ и разнообразнымъ вопросамъ ¹⁾. Въ своихъ ученыхъ трудахъ преосвященный Борисъ является то ученымъ филологомъ, то церковнымъ историкомъ, то метафизикомъ, то апологетомъ, то экзегетомъ, то пасторалистомъ, то моралистомъ. Его статьи по разнымъ отраслямъ науки можно встрѣтить и въ «Филологическихъ запискахъ», и въ «Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», и въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», и въ «Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», и въ «Православномъ обозрѣніи», и въ «Вѣрѣ и Разумѣ» и наконецъ въ академическихъ органахъ всѣхъ четырехъ академій, съ которыми преосвященный Борисъ имѣлъ то или иное соприкосновеніе. Изъ отдѣльныхъ изслѣдованій преосвященному Борису принадлежать: «О сравнительной миеологіи Макса Мюллера (изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миеовъ)»; «Главные черты арійской доисторической культуры по даннымъ сравнительнаго языкознанія»; «Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности»; «Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніи къ древней греко-римской образованности», въ трехъ выпускахъ (1885 г., 1890 и 1892 г.); «Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ», въ двухъ выпускахъ (1888 и 1889 гг.); «Задачи метафизики»; «Вопросъ о началѣ міра» (апологетическое изслѣдованіе); «О невозможности чисто-физиологическаго изъясненія душевной жизни»; «Опытъ объясненія XLIX гл. книги Бытія, съ обращеніемъ особаго вниманія на апологетическое ея значеніе»; «Записки по пастырскому богословію, въ четырехъ выпускахъ (1891—1892 гг.), а также его слова и рѣчи, печатавшіяся на страницахъ Церковнаго Вѣстника, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ характеръ небольшихъ ученыхъ богословскихъ разсужденій на разные темы. Конечно, эти довольно многочисленныя изслѣдованія ученаго автора не всѣ имѣютъ одинаковую научную цѣнность, но тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ свидѣтель-

¹⁾ Подробный перечень ученыхъ трудовъ и отдѣльныхъ изслѣдованій преосвященнаго Бориса, явившихся до 1892 г., данъ въ № 46 Церк. Вѣстн. за 1892 г.

ствуеть о его широкой эрудици, высокому умственному развитію, умѣнныи понять предметъ и разобраться въ ученое матеріалѣ. Владѣя основательнымъ знаніемъ какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ языковъ, преосвященный Борисъ, конечно, довольно скоро и легко находилъ нужныя литературныя пособія. Но нужно было имѣть хорошо дисциплинированный и аналитическій умъ, какимъ онъ владѣлъ, для того, чтобы такъ легко и скоро разбираться въ этихъ пособіяхъ, опредѣлять изъ научную пригодность, брать изъ нихъ только существенное, какъ это видимъ въ его ученыхъ трудахъ. Изъ всѣхъ названныхъ ученыхъ трудовъ преосвященнаго Бориса самымъ выдающимся является его сочиненіе «Исторія христіанскаго просвѣщенія, въ его отношеніи къ древней греко-римской образованности», въ трехъ выпускахъ (1885 г., 1890 и 1892 гг.), обнимающихъ время отъ начала христіанства до паденія Константинополя (1453 г.). Въ этомъ сочиненіи, которое могло бы составить честь любому европейскому историку, ученый авторъ, вмѣстѣ съ знаніемъ новѣйшей литературы, обнаруживаетъ обширное знаніе святоотеческой и классической литературъ, что дѣлаеть этотъ трудъ его особенно цѣннымъ для русскихъ читателей. Въ данномъ случаѣ онъ какъ бы приближается къ тому идеалу христіанскаго ученаго, который предносился сознанію тѣхъ просвѣщенныхъ отцовъ и учителей церкви, о которыхъ онъ тракуеть въ своемъ сочиненіи, которые съ знаніемъ божественныхъ и церковныхъ писаній соединяли знаніе греческихъ и латинскихъ философовъ и поэтовъ.

Разнообразіе тѣхъ научныхъ вопросовъ, какихъ касался преосвященный Борисъ въ своей ученой литературѣ, можетъ показаться кому-либо признакомъ его ученаго диллетанства. Но въ дѣйствительности это не такъ. При внимательномъ ознакомленіи съ трудами преосвященнаго автора, нельзя не придти къ тому заключенію, что это разнообразіе темъ имѣло своимъ основаніемъ не ученое диллетанство и не вѣншія побужденія, а внутренніе запросы его собственнаго сознанія. Между разнообразными научными темами, какихъ касался преосвященный Борисъ, замѣчается внутренняя связь, такъ что раскрытіе всѣхъ ихъ сводится, строго говоря, къ раскрытію одной общей темы, которую можно формулировать какъ «раціонально-историческое оправданіе христіанства». Авторъ, видимо, пережилъ въ своемъ сознаніи послѣдовательный рядъ

тревожныхъ вопросовъ относительно разныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія, стараясь найти для нихъ разрѣшеніе въ актахъ сомознанія и данныхъ положительнаго знанія. И, согласно слову Христа Спасителя: «ищите и обряцете» (Матѣ. VII, 7) и: «грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ» (Іоан. VI, 37), онъ нашель это оправданіе христіанства,—выработалъ цѣльное міровоззрѣніе, въ которомъ данныя современной науки и христіанскаго Богословія расположились какъ бы въ видѣ стройной и величественной пирамиды. Фундаментъ этой пирамиды зиждился на положительномъ знаніи, а ея вершина освѣщалась свѣтомъ истины Христовой. При такомъ духовномъ укладѣ, сознаніе этого христіанскаго мыслителя заключало въ себѣ *in potentia* предрѣшеніе болѣе или менѣе каждаго вопроса, такъ или иначе соприкасающагося съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. А потому понятно, когда обстоятельства службы или запросы времени заставляли его высказаться по тому или иному вопросу, онъ скоро находилъ въ пережитыхъ имъ фактахъ сознанія нужныя апперцепціи, и такимъ образомъ довольно быстро изъ-подъ его пера выходили одно за другимъ его отдѣльныя изслѣдованія.

Вотъ, какою представляется личность преосвященнаго Бориса, при наблюденіи ея со стороны ученой дѣятельности почившаго. Какъ видно отсюда, преосвященный Борисъ стремился къ идеаламъ знанія и разума, но въ то же время стремился согласовать эти идеалы съ идеалами христіанства. Онъ стремился къ тому, къ чему стремились просвѣщенные отцы и учителя церкви вселенской, просвѣщенные іерархи церкви русской, къ чему стремились прежде, стремятся и теперь дѣятели академической науки. Вѣчная ему память!

Проф. Иванъ Троицкій.

II. Нѣкоторыя воспоминанія о преосвященнѣйшемъ епископѣ Борисѣ.

Вступая на эту кафедру, почти неожиданно даже для самого себя, съ цѣлію почтить добрымъ воспоминаніемъ приснопамятнаго святителя и благодатнаго нашего бывшаго начальника, преосвященнѣйшаго Бориса, я долженъ предварительно сдѣлать одну необходимую оговорку. Личность преосвященнѣй-

шаго Бориса — по моему убѣжденію — принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ, во всякомъ случаѣ незаурядныхъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ за послѣднюю, почти цѣлую, четверть истекшаго (XIX) столѣтія. Поэтому характеристикѣ его личности слѣдовало бы посвятить и не такое скороспѣлое воспоминаніе, какое по необходимости я вынуждаюсь сдѣлать теперь (да позволять мнѣ откровенность!) подъ нравственнымъ давленіемъ нашей академической молодежи. Не буду скрывать отъ достопочтеннаго собранія, что инициатива настоящихъ поминокъ принадлежитъ именно этой академической молодежи, ея безкорыстной и беззавѣтной любви къ своему бывшему благостному начальнику, и подсказано добрымъ, искреннимъ ея желаніемъ почитать память того, кто къ ней самой пламенѣль любовію любящаго отца, сердечно заботившагося о воспитаніи своихъ чадъ и потому не останавливавшася иногда ни передъ собственными лишеніями и самоограниченіями ради общаго блага, ни предъ строгими внушеніями о памятованіи каждымъ питомцемъ своего нравственнаго долга въ виду важнаго жизненнаго назначенія студента высшей православной духовной школы. Передъ вашею, гг. студенты, любовью къ почившему нашему общему начальнику безсиленъ былъ я отказываться рѣшительно отъ того участія, какое вы предложили мнѣ въ настоящемъ поминальномъ торжествѣ, несмотря ни на краткость времени для необходимой подготовки, ни на сложность многихъ другихъ моихъ служебныхъ и нравственныхъ обязанностей, ни на личное мое собственное желаніе посвятить памяти почившаго святителя нѣчто болѣе достойное, чѣмъ настоящее скороспѣлое воспоминаніе, какое, однако, рѣшаюсь предложить нынѣшнему достопочтенному собранію. Говорю это отчасти для того, чтобы нѣкоторую долю отвѣтственности за несоотвѣтствіе моей рѣчи ожиданіямъ настоящаго собранія возложить и на васъ. Не буду, конечно, считать и себя свободнымъ отъ возможныхъ упрековъ въ слабомъ исполненіи принятой мною на себя задачи и прошу напередъ извиненія въ томъ, что въ своей рѣчи я не хочу претендовать ни на полную характеристику личности въ Бозѣ почившаго преосв. Бориса, ни на фактическія подробности изъ его жизни и дѣятельности, ни на полноту даже личныхъ своихъ воспоминаній изъ его жизни и своихъ отношеній къ нему. Но я хочу воспроизвести только

нѣкоторые случаи изъ личныхъ своихъ воспоминаній о преосв. Борисѣ и комментировать ихъ съ точки зрѣнія не своего субъективнаго ихъ пониманія, а съ точки зрѣнія данныхъ его общаго міровоззрѣнія и настроенія.

Мое первое знакомство съ преосв. Борисомъ относится еще ко времени нашей общей студенческой юности. Заочно я узналъ его какъ Владиміра Владиміровича Плотникова еще на студенческой скамьѣ. Онъ — сверстникъ мой по академическому курсу (хотя и по другой академіи), и мои товарищи по семинаріи, поступившіе въ казанскую дух. академію, съ большими похвалами отзывались тогда о своемъ новомъ акад. товарицѣ Плотниковѣ. Впоследствии же нѣкоторые изъ авторитетныхъ наставниковъ казанской академіи говорили о бывшемъ студентѣ Вл. Вл. Плотниковѣ такъ, что въ цѣломъ рядѣ академическихъ курсовъ студентъ Плотниковъ былъ предметомъ особаго вниманія преподавателей, которые хотѣли всячески задержать его при академіи по окончаніи имъ курса ¹⁾. И когда онъ окончилъ курсъ, то ему, дѣйствительно, предложена была академическая приватъ-доцентура по русской словесности, за неимѣніемъ въ академіи другой штатной каѳедры. Но лучший въ курсѣ магистрантъ, неожиданно для всѣхъ, предпочелъ - было избрать себѣ другую карьеру. Подъ вліяніемъ живыхъ въ Казани (вслѣдствіе ея отчасти пограничнаго положенія между христіанской Русью и языческой и мусульманской Азіей) примѣровъ миссіонерскихъ подвиговъ, подъ вліяніемъ духовной среды, созданной тамъ главнымъ образомъ незабвеннымъ Н. И. Ильминскимъ, подъ вліяніемъ въ частности сношеній съ отдаленной Японіей, гдѣ подвизался и въ настоящее время съ самоотверженіемъ подвизается на миссіонерскомъ поприщѣ нашъ неутомимый апостолъ Японіи преосв. Николай, подъ всѣми этими и другими благодатными вліяніями, окружавшими въ Казани даровитаго, идеально настроеннаго и жаждавшаго

---

¹⁾ Любопытно сопоставить съ этимъ мнѣніе покойнаго архіепископа херсонскаго Никанора о молодомъ инокѣ Борисѣ, вскорѣ по принятіи послѣднимъ иночества. Въ разговорѣ, лично мнѣ сообщенномъ Н, онъ просилъ одну высокопоставленную и близко стоящую къ центральному управленію духовнаго вѣдомства особу — «охранять» молодого инока Бориса, какъ «силу въ умственномъ и нравственномъ отношеніи недюжинную и подающую большія надежды въ будущемъ».

подвиговъ Вл. Вл. Плотникова, создалось у него стремленіе идти на миссіонерскій подвигъ въ отдаленную Японію. Съ цѣлію уясненія себѣ путей къ осуществленію своего намѣренія онъ прибылъ въ Петербургъ тотчасъ по окончаніи имъ академическаго курса въ іюнь 1880 г., и тогда-то мнѣ впервые посчастливилось съ нимъ познакомиться лично въ стѣнахъ нашей академіи, въ тѣхъ жилыхъ комнатахъ, въ которыхъ я продолжалъ еще оставаться по окончаніи академіи, дожидаясь рѣшенія своей участи относительно командировки за границу и подготовленія къ будущей своей профессорской дѣятельности. Передъ мною предсталъ тогда молодой, высокій и сухой по внѣшнему виду товарищъ по курсу, въ высшей степени скромный (до застѣнчивости), деликатный въ обращеніи, котораго какъ будто даже стѣсняла наша предупредительность въ отношеніи къ нему, а идеализація имъ предстоявшаго ему жизненнаго подвига производила на всѣхъ насъ впечатлѣніе чего-то изъ ряда вонъ выходящаго, казалось — необычнаго въ годы жизнерадостной, полной всякихъ даже несбыточныхъ мечтаній, юности. Талантливый и готовившійся къ ученой дѣятельности лучшей магистрантъ академіи собирался ѣхать въ качествѣ простаго миссіонера въ малоизвѣстную еще въ то время у насъ Японію! Но мы, конечно, не знали движеній и образа мыслей юнаго ревнителя миссіонерскихъ подвиговъ и потому съ изумленіемъ смотрѣли на его неутолимую жажду подвиговъ. А въ дѣйствительности эта жажда подвиговъ была у него глубокая, непонятная только для лицъ другого круга интересовъ, привыкшихъ нерѣдко односторонне относиться къ разномыслию другихъ съ точки зрѣнія своихъ спеціальныхъ воззрѣній или подчасъ модныхъ господствующихъ воззрѣній времени и пр. Почившій святитель нашъ Борисъ уже и тогда, въ годы студенческой юности, намѣтилъ себѣ тотъ путь самоотреченія, который старался осуществить въ теченіе всей своей послѣдующей жизни. Правда, хлопоты Вл. Вл. Плотникова въ то время о поступленіи въ японскую миссію почему-то не увѣнчались успѣхомъ, и онъ, отказавшись отъ предложенія занять академическую приватъ-доцентуру по русской словесности, рѣшился ѣхать въ свою родную томскую семинарію на свой спеціальнѣйшій академическій предметъ (по русской словесности и соединеннымъ съ нею въ семинаріи предметамъ) и оставался тамъ въ теченіе 4 лѣтъ до авг. 1884 г.. Однако, живя

и въ Томскѣ, молодой преподаватель семинаріи не покидалъ своихъ ученыхъ академическихъ занятій: онъ готовилъ свой магистерскій трудъ и доставлялъ для печати статьи не только въ «Томскія Епарх. Вѣд.», но въ «Филол. Записки» и др. Когда за смертію многообѣщавшаго преподавателя метафизики въ казанской академіи П. А. Милославскаго освободилась его кафедра, то вакантную кафедру совѣтъ академіи предложилъ Вл. Вл. Плотникову. Съ августа 1884 г. онъ занималъ эту кафедру до октября 1886 г., когда по постриженіи въ монашество (29 марта 1886 г.) и возведеніи въ санъ архимандрита назначенъ былъ въ инспекторы моск. дух. академіи съ предоставленіемъ ему вакантной кафедры «Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ». Я не берусь характеризовать его профессорскую дѣятельность въ академіяхъ казанской и московской: пусть сдѣлаютъ это со временемъ люди болѣе меня компетентные въ тѣхъ наукахъ, какія преподавалъ преосв. Борисъ и по которымъ онъ оставилъ свои ученые и научно-популярные труды. Меня въ данный моментъ интересуеть его нравственная личность, поскольку она обнаруживалась во внѣшней практической его дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ и въ рассматриваемый періодъ времени, т. е. и въ Казани, и въ Сергіевомъ посадѣ, былъ тѣмъ же, какимъ мы его узнали впоследствии въ бытность его у насъ начальникомъ: свойственная ему доброта, благожелательность, неустанный трудъ и подвиги во имя исполненія своего служебнаго и нравственнаго долга, въ частности вѣра въ добрыя стремленія учащейся молодежи, терпимость къ разномыслиямъ другихъ, но и рѣшительное подчасъ противодѣйствіе несправедливымъ дѣйствіямъ другихъ,—вотъ тѣ внѣшнія обнаруженія въ дѣятельности почившаго преосв. Бориса, какія—по словамъ свидѣтелей его казанской и московской жизни—были отличительными его особенностями въ Казани и Сергіевомъ посадѣ. Мнѣ лично не пришлось видѣть архимандрита Бориса въ то время, когда онъ жилъ въ Сергіевомъ посадѣ. Но о его послѣдующемъ пребываніи въ Кіевѣ, когда онъ, по желанію приснопамятнаго кіевского митр. Платона, былъ перемѣщенъ изъ московской академіи (въ 1888 году) на должность ректора кіевской семинаріи, мнѣ извѣстны нѣкоторыя, можетъ быть не лишеныя интереса, фактическія подробности.

Въ Кіевѣ преосв. Борисъ (въ то время еще архимандритъ) оставался въ теченіе 4 лѣтъ до авг. 1892 года и за все

это время—по его собственнымъ словамъ —пользовался самою теплою отеческою любовію владыки-митр. Платона. Кто зналъ и слышалъ когда-либо этого неустаннаго проповѣдника Христовой любви, тотъ ясно могъ понимать, почему онъ возлюбилъ и приблизилъ къ себѣ и нашего благодѣнаго о. Бориса, въ то время архимандрита. Самъ преосв. Борисъ всегда вспоминалъ періодъ своего кіевскаго служенія какъ время, рѣшительно вліявшее на ходъ его внутренняго духовнаго развитія, благодаря близости и общенію его съ родственною ему по духу нравственною атмосферою тогдашняго Кіева. Кромѣ любви митр. Платона и многочисленныхъ почитателей послѣдняго, преосв. Борисъ имѣлъ случай пользоваться въ Кіевѣ общеніемъ любви гонимаго въ то время у себя на родинѣ, столь же благодѣнаго и любвеобильнаго, какъ и онъ самъ, митр. сербскаго Михаила. Начавшаяся ихъ дружба сначала въ Москвѣ и потомъ въ Кіевѣ не прекращалась и впоследствии, когда сербскій владыка-митрополитъ вновь въ 1889 году съ подобающею славою былъ возвращенъ на свою родину въ Сербію и на свою бѣлградскую кафедру. Я лично былъ свидѣтелемъ той любви и уваженія, какія питалъ къ нашему «доброму» о. Борису преснопамятный сербскій святитель, пользовавшійся самъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ не только у себя на родинѣ, не только въ Россіи, гдѣ онъ былъ столь же популяренъ, какъ и самые выдающіеся іерархи нашей отечественной церкви, но и на всемъ православномъ востокѣ и даже инославномъ (преимущественно славянскомъ) западѣ. Подъ вліяніемъ тѣсной дружбы и братскаго общенія съ сербскимъ святителемъ завязалась между ними та духовная связь, которая въ ихъ лицѣ являлась какъ бы живымъ олицетвореніемъ единенія двумъ православныхъ автокефальныхъ церквей-сербской и русской. По крайней мѣрѣ, по словамъ самого преосв. Бориса, духовное общеніе съ сербскимъ святителемъ, поддерживаемое потомъ взаимною перепиской, сообщило ему и возвышенное христіанское настроеніе, и данныя о жизни родственной страны (Сербіи) и единовѣрной церкви, и вообще воспитывало его въ идеализаціи имъ своего пастырскаго и патріотическаго долга. Затѣмъ, въ кіевскій періодъ служенія о. Бориса былъ знакомъ ему другой изгнанникъ изъ своей родной и родственной намъ земли, беззавѣтно любившій свой бѣдный угнетенный въ австрійской Галичинѣ русскій народъ и за

свою любовь къ нему претерпѣвшій и темничное заключеніе, и поношенія со стороны враговъ своего народа, и наконецъ изгнаніе, прот. І. Гр. Наумовичъ. Въ кругу этихъ-то и подобно имъ настроенныхъ людей имѣлъ случаи вращаться и нашъ почившій владыка Борисъ; въ этой идеальной атмосферѣ онъ всегда воспринималъ своею чуткою, отзывчивою ко всему доброму, душою идеальное настроеніе среды, и таившаяся въ немъ искра Божія готвилаась превратиться въ пламя огня, который и согрѣвалъ его въ минуты жизненныхъ испытаній, скорбей и физическихъ болѣзней, постепенно и незамѣтно разрушавшихъ его слабый организмъ. А дѣлая, такъ сказать, историческая обстановка «славнаго» и «сѣдого» Кіева, въ связи съ тѣмъ, что онъ ранѣе пережилъ и перечувствовалъ въ стѣнахъ исторической Троице-Сергіевой лавры, а еще ранѣе — въ прославленной геройскими подвигами строителей и защитниковъ Русской земли отъ «невѣрныхъ» Казани, — вся эта цѣнь историческихъ событій, прославившихъ нашу православную Русь, поддерживала въ немъ то идеальное настроеніе, какое создавалось въ немъ постепенно подъ вліяніемъ школы, счастливой среды, при собственной его воспримчивости ко всему доброму, возвышенному, святому...

Изъ Кіева, въ августѣ 1892 года, архимандритъ Борисъ переведенъ былъ на службу въ Петербургъ, гдѣ до 30 октября этого года состоялъ старшимъ цензоромъ Духовно-Цензурнаго Комитета и одновременно членомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, а съ 30 октября становится во главѣ управленія нашей академіей въ качествѣ ея ректора. Слишкомъ еще живо въ памяти у всѣхъ насъ его, даже первое, ректорское служеніе въ нашей академіи, продолжавшееся съ небольшимъ годъ (до 2 декабря 1893 г.), чтобы являлась надобность воспроизводить характеристическія особенности его учено-административной и воспитательной здѣсь дѣятельности въ данный періодъ времени. И потому я не буду останавливаться на этомъ, какъ уже общеизвѣстномъ, а перейду къ мѣсту его послѣдующаго служенія въ Константинополѣ.

Въ Константинополь нашъ бывшій о. ректоръ архим. Борисъ, въ качествѣ настоятеля русской посольской церкви, отправился въ концѣ 1893 года и оставался тамъ до 17 февраля 1899 г., слѣд. болѣе пяти лѣтъ онъ пробылъ въ близкомъ сердцу каждаго православнаго Цареградѣ. Нынѣшній Константинополь конечно не то, что Константинополь временъ св. І. Златоуста,

импер. Юстиніана, патр. Фотія и Константинополь послѣдующихъ столѣтій существованія самостоятельной Византіи. Тогда онъ блисталъ роскошью православныхъ церквей, былъ не только столицею свободной имперіи, но и столицею (въ религіозно-нравственномъ отношеніи) всего православнаго христіанскаго міра, куда за нравственную помощь и за разрѣшеніемъ вопросовъ религіозно-нравственной и отчасти политической жизни обращались, въ нужные моменты, многіе православные и даже иновѣрные народы востока и запада. Съ покореніемъ его турками многое въ немъ существенно измѣнилось. Прежде всего померкла внѣшняя слава православнаго Цареграда, хотя историческія традиціи о первенствѣ Константинополя въ ряду другихъ каедральныхъ городовъ православныхъ автокефальныхъ церквей востока, перенесенныя нашими предками на Москву («третій Римъ») и фактически теперь остающіяся въ Петербургѣ, идеально и канонически связываются съ Константинополемъ. Но все-таки здѣсь уже нѣтъ гражданско-политической опоры для возвышенія авторитета мѣстнаго православнаго патріарха, благодаря чему онъ ранѣе, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, былъ возвышенъ на степень патріарха «второго Рима», «поелику» это былъ «градъ царя и синклита». Нѣтъ теперь былой славы и блеска столицы христіанскаго царства. Еще и теперь—и св. Софія, и храмъ св. Апостоловъ, столь памятные намъ по славнымъ историческимъ воспоминаніямъ, и другія православныя христіанскія святыни Константинополя находятся въ рукахъ мусульманскихъ. Цѣлый видъ города, приводящій (съ Босфора и Мраморнаго моря) въ восторгъ каждаго путешественника, носитъ общій характеръ мусульманскій: минареты мечетей доминируютъ надъ всѣмъ славнымъ прошлымъ древняго города. Впрочемъ, не внѣшняя сторона города насъ должна интересоватъ въ настоящее время, а тѣ внутреннія культурныя отношенія, въ которыя былъ поставленъ прибывшій сюда нашъ бывший ректоръ и новый настоятель русской посольской церкви въ Константинополь, о. архим. Борисъ.

Прежде всего, конечно, онъ долженъ былъ съ самаго начала опредѣлить свои отношенія къ составу русскаго посольства въ Константинополь. И эти отношенія съ перваго же раза стали вполне корректныя; мало того, новый настоятель скоро завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ, кто имѣлъ возможность входить съ нимъ въ какія-либо отношенія. Оба

посла (бывшій А. И. Нелидовъ и настоящій И. А. Зиновьевъ) первые подавали примѣръ своего уваженія къ о. настоятелю, были его не только добрыми знакомыми, посѣщавшими лично, къ тому и нерѣдко, скромныя его келліи, но гораздо больше того — они цѣнили въ немъ недюжинную нравственную силу, которая возвышала его надъ окружавшею средою. Поэтому, кромѣ многихъ другихъ знаковъ вниманія къ своему о. настоятелю, и прежній нашъ константинопольскій посолъ (А. И. Нелидовъ) и настоящій (И. А. Зиновьевъ), какъ только узнали о хиротоніи о. Бориса во епископа, поспѣшили съ выраженіемъ своихъ искреннихъ привѣтствій и подношеніемъ ему драгоценныхъ своихъ даровъ: первый прислалъ изъ Рима мозаическую икону Спасителя, а второй — драгоценную, украшенную брилліантами, папагію. И всѣ остальные члены русскаго посольства и немалочисленные представители русской колоніи и учреждений въ Константинополѣ — русскаго археологическаго института, больницы, подворій русскихъ аеонскихъ монастырей и скитовъ и многіе случайные туристы и паломники къ святымъ мѣстамъ востока — всѣ съ любовію и уваженіемъ отзывались о достойномъ представителѣ русской церкви въ нын. турецкой столицѣ. А одинъ интеллигентный грекъ, постоянно проживавшій въ Константинополѣ и по дѣламъ своей службы пріѣзжавшій иногда въ Петербургъ, говорилъ мнѣ однажды о своемъ впечатлѣніи отъ новаго настоятеля русской посольской церкви: *αὐτὸ εἶναι ἡ ἀγγελικὴ ψυχὴ!*

Затѣмъ, современный Константинополь представляетъ собою въ религіозномъ отношеніи центръ вѣроисповѣдной борьбы разныхъ народностей, населяющихъ и извнѣ почти отовсюду вторгающихся въ предѣлы турецкой имперіи. Представитель русской церкви здѣсь на мѣстѣ обязанъ также опредѣлить свои отношенія и къ этимъ мѣстнымъ жизненнымъ явленіямъ. Сохраняя самыя лучшія отношенія съ православною греческою патріархіей и ея представителями, начиная отъ патріарховъ и митрополитовъ, поддерживая связи съ болгарскою экзархіей въ лицѣ ея достойнаго представителя нынѣшняго экзарха Иосифа, о. Борисъ пользовался среди нихъ полнымъ уваженіемъ, вполнѣ приличествующимъ представителю православною русской церкви. Патріархи греческіе — бывшіе Анеимъ VII и Константинъ V и сын. Иоакимъ III, а также бывшій іерусалимскій патр. Никодимъ были его добрыми собесѣдниками и даже корреспондентами. И всѣ единовѣрцы наши съ любовію

проводжали его, когда онъ получилъ изъ Константинополя новое вторичное назначеніе на постъ ректора нашей петербургской академіи. Трогательны были эти проводы о. Бориса ¹⁾, и они свидѣтельствовали, насколько авторитетъ представителя русской церкви въ Константинополѣ успѣлъ подчинить своему вліянію разнообразныя теченія въ церковной политикѣ нашихъ единовѣрцевъ за границей и насколько умиротворяющее его вліяніе оставило свой благотворный слѣдъ въ существующихъ нашихъ отношеніяхъ къ единовѣрнымъ церквамъ востока. Всѣ видѣли и чувствовали нравственную силу представителя русской церкви и подчинялись обаянію его нравственной личности.

Помимо двухъ православныхъ представителей въ Константинополѣ-греческой патриархіи и болгарской экзархіи, тамъ есть много представителей и другихъ вѣроисповѣдныхъ христіанскихъ общинъ: тамъ есть и армяне-григоріане, и армяне-католики, пришлые римско-католики или паписты, и вступившіе съ ними въ унію мѣстные христіане; есть тамъ разныхъ фракцій протестанты со включеніемъ прибывшихъ изъ-за океана американскихъ методистовъ, которые на берегахъ Босфора основали «коллегію» (Robert college) гдѣ обучаютъ между прочимъ и нашихъ единовѣрцевъ, не только изъ Константинополя, но и изъ разныхъ другихъ мѣстъ Балканскаго полуострова. Всѣ инославные представители соперничаютъ здѣсь другъ съ другомъ въ пропагандѣ своего ученія и въ привлеченіи на свою сторону прозелитовъ изъ православныхъ. Представитель русской церкви лишень возможности активно помогать своимъ единовѣрцамъ и парализовать вредныя дѣйствія инославныхъ пропагандистовъ. Но онъ имѣетъ право слѣдить за этими движеніями и своимъ нравственнымъ авторитетомъ способствовать ослабленію ихъ вредныхъ дѣйствій православія дѣйствій. Преосв. Борисъ глубоко интересовался и этою стороною дѣла. Для него востокъ православный былъ не пустымъ звукомъ, не окаменѣвшимъ отъ времени и неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій остаткомъ славной старины, а живымъ, только стѣсненнымъ въ своемъ существованіи, орга-

¹⁾ Описаніе этихъ проводовъ было въ свое время напечатано какъ въ греческихъ, такъ и въ славянскихъ газетахъ константинопольскихъ, а также и въ нашемъ академическомъ «Церк. Вѣстникѣ» за 1899 г (№№ 12, 14).

низмомъ, частію живого цѣлаго православнаго міра. Долго-временное рабство наложило на этотъ востокъ отпечатокъ гнета и страданій, даже искалѣчило многія стороны его нравственной сущности, но все-таки не уничтожило его. И наша забота—не бросать его на произволь судьбы, еще болѣе—не увеличивать его ранъ, а залѣчивать ихъ; но для этого необходимо прежде всего поставить діагнозъ болѣзни, познакомиться основательно съ его прошлымъ и настоящимъ положеніемъ. Прошлое востока почившій преосв. Борисъ старательно изучилъ еще до отправленія своего на востокъ и результаты своего изученія представилъ между прочимъ въ своихъ многосодержательныхъ трудахъ: «Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніи къ древней греко-римской образованности» въ трехъ большихъ выпускахъ (1885, 90 и 92 гг.), обнимающихъ время отъ начала христіанства до паденія Константинополя. А современное положеніе востока онъ опытно познавалъ въ періодъ своего служенія на востокѣ. Живя въ Константинополѣ, онъ не довольствовался одними только константинопольскими своими наблюденіями и книжными изученіями на мѣстѣ, а провѣрялъ свои изученія во время путешествій по разнымъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ православнаго востока. Онъ былъ и на св. горѣ Аѳонской, и въ святомъ градѣ Іерусалимѣ у Живоноснаго Гроба Господня, и въ другихъ мѣстахъ Палестины. Онъ ѣздилъ во всѣ эти мѣста не только какъ простой паломникъ, но и какъ глубокій созерцатель судебъ православія въ колыханіи его развитія,—провѣрялъ и расширялъ свои прежнія познанія, и отсюда научился цѣнить все имъ видѣнное и изученное не съ точки зрѣнія шаблонныхъ отзывовъ поверхностныхъ туристовъ, а на основаніи строго провѣренныхъ личныхъ наблюденій и соответствія ихъ фактическимъ даннымъ исторіи и современности. Востокъ былъ для меня серьезной школой, — говаривалъ почившей нашъ святитель. Въ своей прощальной къ намъ рѣчи (11 февр. 1901 г.) преосв. Борисъ между прочимъ говорилъ: «Жизнь на востокѣ не только содѣйствовала замѣтному улучшенію моего здоровья, но принесла мнѣ и большую нравственную пользу: въ тиши уединенія и безмолвія, для котораго были тамъ благоприятныя условія, я научился лучше понимать и выше всего цѣнить то «единое на потребу», которое Христосъ Спаситель называетъ «благою частію, яже не отыметъся» (Лук.

Х, 42) ¹⁾. А въ своихъ частныхъ устныхъ бесѣдахъ онъ откровенно говорилъ объ этомъ и подробнѣе. На Востокѣ—говорилъ онъ—я расширялъ свой умственный багажъ новыми весьма интересными, полезными и необходимыми въ особенности для православнаго богослова свѣдѣніями по исторіи мѣстной церковной жизни, столь неясными даже и для богословски-образованныхъ у насъ людей, познакомился съ церковно-богослужебной практикой православныхъ помѣстныхъ церквей, научился сознательнѣе любить свое родное по сравненію съ нимъ чужого, но гдѣ нужно отдавалъ должное и чужому; для меня яснѣе стало теперь, какъ мы должны вести себя на востокѣ, какія задачи и цѣли ставить себѣ и какъ направлять свою дѣятельность; я научился цѣнить и уважать даже самые слабые проблески любви нашихъ единовѣрцевъ къ святому историческому ихъ наслѣдію, не отрицать ихъ историческихъ заслугъ и не преувеличивать ихъ недостатковъ, а подвинуть былъ къ соглашенію ихъ, въ дѣйствительности, общихъ съ нашими духовныхъ интересовъ, и т. д. Уже изъ этихъ общихъ отзывовъ почившаго преосв. Бориса можно видѣть, какіе серьезные вопросы ставила нашему представителю въ Константинополѣ восточная школа.

• И эта школа, въ дѣйствительности, много повліяла на ходъ его внутренняго духовнаго развитія. По крайней мѣрѣ, для меня лично это было очень замѣтно, когда я сравнивалъ возвратившагося къ намъ изъ Константинополя о. Бориса съ тѣмъ, что онъ былъ до отправленія своего въ Константинополь. Умудренный опытомъ своей внутренней духовной работы надъ самимъ собою, съ значительно расширеннымъ умственнымъ кругозоромъ вслѣдствіе изученія и личныхъ наблюденій многоразличныхъ сторонъ прошлой и современной жизни востока и постоянно соприкасающагося съ нимъ запада, съ яснымъ сознаниемъ духовныхъ нуждъ православнаго востока и традиціонныхъ отношеній къ нему православной Россіи, съ болѣе опредѣленнымъ представленіемъ и о нуждахъ самой русской церкви, терпимый къ разномыслиямъ другихъ, безъ существенной однако же уступки имъ въ виду своихъ собственныхъ убѣжденій, съ любовью и благожелательностью ко всему доброму,—онъ прибылъ снова въ нашу академическую среду въ качествѣ начальника. Какимъ онъ былъ у насъ начальникомъ,—

¹⁾ См. «Церк. Вѣстникъ» 1901, № 7.

объ этомъ въ свое время и такъ еще недавно мы всѣ съ непритворною откровенностію говорили ему самому лично и засвидѣтельствовали о томъ печатно ¹⁾. Дальнѣйшій судъ и оцѣнка его дѣятельности принадлежать теперь уже исторіи, а не личнымъ моимъ воспоминаніямъ. Напомню лишь то, что говорилъ намъ при прощаніи съ академіей самъ преосв. Борисъ: «Какъ вступилъ я въ служеніе свое академіи, — говорилъ онъ, — такъ и несъ его все время съ неизмѣнными чувствами мира, любви и сердечной благожелательности ко всѣмъ членамъ академическаго братства, и посвящалъ заведенію весь свой трудъ и всѣ свои силы. Горячо желалъ я, чтобы во вѣренномъ мнѣ заведеніи постоянно царствовали благодатный миръ, порядокъ и согласіе, чтобы въ нашемъ ученомъ братствѣ, во взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ, всегда поддерживалась необходимая для общаго святаго дѣла нравственная гармонія, основанная на взаимномъ уваженіи, довѣрїи и сочувствїи... Идеаль царства Божїя постоянно предносился мнѣ, какъ основное начало моей дѣятельности въ званіи ректора академіи и побуждалъ меня по мѣрѣ силъ моихъ стремиться къ возможному осуществленію его и въ жизни вѣреннаго мнѣ заведенія» (см. «Церк. Вѣстн. 1901 г., № 7). Не оставившаяся на другихъ руководственныхъ наставленіяхъ почившаго нашего бывшаго начальника, я хочу заключить свои воспоминанія общимъ замѣчаніемъ, что, вспоминая извѣстныя намъ свѣтлыя стороны нравственной личности преосв. Бориса, я имѣю — кажется — достаточныя основанія для выраженія нашей общей скорби о преждевременной утратѣ этого рано угасшаго свѣтильника русской церкви и нашего незабвеннаго бывшаго начальника академіи. Во имя братской христіанской любви къ нему мы собрались сюда почтить его свѣтлую память своими добрыми воспоминаніями. Да хранится эта любовь въ сердцахъ нашихъ и далѣе. И да хранятся у насъ его добрые завѣты, которые онъ преподавалъ и оставилъ намъ въ наслѣдіе, достойное его свѣтлой памяти. Да сіяетъ передъ нами его свѣтлый нравственный обликъ какъ сила бодрящая, призывающая насъ къ неустанному труду исканія и разумѣнія вѣковѣчной истины, къ осуществленію идеаловъ жизненной евангельской правды и къ исполненію требованій

¹⁾ См. подробности о прощаніи съ преосв. Борисомъ въ академіи 11 февраля 1901 г. въ «Церк. Вѣстникѣ» №№ 7—8 за 1901 г.

истинной христіанской любви! Да будетъ же вѣчная память нашему благодному святителю, бывшему начальнику нашему, преосвященнѣйшему Борису, да пребываетъ въ насъ вѣчно благодарная память и о всѣхъ неисчислимыхъ добрыхъ дѣлахъ его истинной христіанской любви!

Проф. И. Пальмовъ.

III. Преосв. Борисъ въ отношеніи къ студенчеству.

Позвольте и мнѣ, хотя неумѣлою рукою, вплести свой цвѣтокъ въ вѣнокъ, которымъ съ этой кафедры украсили почившаго владыку наши профессоры.

Преосвященнѣйшій Борисъ, почтить память котораго мы такъ дружно собрались, однажды говорилъ мнѣ, что высшею наградою для трудящагося на сколько благородной, столько же и неблагодарной нивѣ воспитанія и образованія юношества, служить хотя бы безъискусственное, но искреннее сердечное выраженіе учащимися и воспитываемыми признанія высоты и священной важности служенія безкорыстнаго труженика на ихъ пользу. Эта награда такъ велика, говорилъ онъ, что она заставляетъ труженика забыть всѣ невзгоды и тернія, съ которыми тотъ неизбежно сталкивался на своемъ многотрудномъ пути и, хотя бы силы его были разбиты, идеаль полуразрушенъ, бодро идти впередъ, не страшась никакихъ новыхъ препятствій, никакихъ разочарованій, съ одною свѣтлою надеждою на будущее. По своему смиренію нашъ почившій преосв. ректоръ не смѣлъ мечтать объ этой наградѣ, но сегодняшнее многочисленное и единодушное собраніе не только учениковъ, но и сослуживцевъ и знаемыхъ его, сегодняшнее торжественное засвидѣтельствованіе заслугъ почившаго краснорѣчиво говорятъ о тѣхъ чувствахъ, какія присутствующіе питали къ нему.

Къ прискорбію, въ настоящее время, когда нашъ владыка навѣки отошелъ отъ насъ, онъ не нуждается ни въ нашихъ признаніяхъ высокой полезности его великаго служенія, ни въ нашихъ ободреніяхъ и утѣшеніяхъ въ многотрудномъ его подвигѣ, ни въ нашихъ благодарностяхъ за его беззавѣтные труды на нашу пользу. Его подвигъ теперь иной въ сравненіи съ земнымъ, силы къ прохожденію своего подвига онъ почерпнетъ въ созерцаніи Небеснаго Отца, предъ престоломъ

Котораго нынѣ предстоитъ, а награду и благодарность за его труды на нашу пользу лучше насъ силенъ ему воздать небесный Мздовоздаятель. Однако отъ этого наше сегодняшнее торжество не теряетъ своего смысла: оно даетъ намъ поводъ вспомнить почившаго, представить его какъ бы присутствующимъ среди насъ, какъ въ былое время, поучиться его дѣлами и трудами, обмѣняться чувствами, какія мы питаемъ къ нему и которыя онъ чрезвычайно высоко цѣнилъ, а безкорыстнымъ, честнымъ труженикамъ, подобнымъ почившему, напомнить, что память о нихъ не умираетъ со смертію, и слава переживаетъ ихъ.

Но что мнѣ вспоминать о почившемъ? Я нахожусь въ положеніи человѣка, котораго завели въ прекрасный садъ, но позволили сорвать лишь одинъ цвѣтокъ. Не знаетъ онъ на чемъ остановиться: сорвать ли ему пышную розу или малящую взоръ лилію, благоухающій ли ландышъ или нѣжную фіалку. Богато одаренная природа почившаго владыки была подобна роскошному саду: въ немъ глубокая ученость соединялась съ здравымъ житейскимъ смысломъ, аскетическая самозаключенность—съ тихою жизнерадостностію и искреннимъ радушіемъ, любовь къ порядку и законности—съ высокою гуманностію, чуждою всякой рутины и привязанности къ буквѣ. Созерцая эти чудные цвѣты,—высокія свойства природы почившаго, не знаю и я, на чемъ мнѣ остановиться. Говорить ли о его научной доблести? Но объ этомъ повѣдали вамъ мужи науки. Вѣщать ли о его христіанско-философской настроенности? Но объ этомъ почившій самъ вѣщалъ вамъ въ своемъ совершеніи богослуженій, въ своихъ проповѣдяхъ немногочисленныхъ и не обширныхъ, правда, но рѣдкихъ по глубинѣ и законченности мысли, по возвышенности содержанія и силѣ убѣжденія, въ которыхъ онъ мощнымъ голосомъ звалъ насъ къ свѣту, къ истинѣ,—въ своихъ лекціяхъ, предметомъ которыхъ избралъ высшее христіанское состояніе духа—молитву,—даже въ самой формулировкѣ темъ для семестровыхъ сочиненій. Вспомнить ли о томъ свойствѣ души владыки, которое дѣлало его особенно близкимъ къ намъ студентамъ? Любовь объединяетъ души, а вѣдь онъ широко, беззавѣтно, самоотверженно любилъ насъ. Можно смѣло сказать, что все его служеніе у насъ отъ начала до конца было подвигомъ любви.

Перенеситесь, товарищи, мыслію за три безъ малаго года назадъ! Вспомните, какъ нашъ владыка, какъ нѣкій стран-

никъ, возвращающійся изъ далекихъ странъ востока, снова вступалъ въ оказавшуюся негостепримною для него сѣверную столицу и родную, близкую его сердцу нашу академію. Онъ былъ уже немощенъ тѣломъ, но духъ его былъ по прежнему чрезвычайно силенъ, чистая всепобѣждающая любовь по прежнему ярко горѣла въ его сердцѣ. Ни скорби и неудачи, ни тяжкіе удары судьбы, которые обильно падали на его главу, не смогли ни сломить его духа, ни очерствить его сердца. Для меня еще звучать первыя его слова, которыми онъ въ академическомъ храмѣ привѣтствовалъ насъ, своихъ новыхъ питомцевъ, съ любовью, съ радостію, съ надеждами встрѣчавшихъ его. Его сердце почувало неподдѣльную юношескую любовь срътившихъ, и эти первыя слова были отвѣтомъ любви на любовь. Онъ обѣщалъ беззаветно, самоотверженно любить насъ, для насъ жить, для насъ трудиться, за насъ полагать душу свою. И онъ не игралъ словами, говоря это, ибо не принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ дѣло и слово уподобляются двумъ путникамъ, преслѣдующимъ разныя цѣли и потому идущимъ по разнымъ дорогамъ. Дѣйствительно, его недолгое пребываніе во главѣ насъ было осуществленіемъ высокой программы, начертанной въ первыхъ его словахъ. Живя съ нами, онъ жилъ не столько для себя, сколько для насъ. Все наше было необыкновенно близко ему: онъ радовался нашими радостями и болѣлъ нашими скорбями, забывая въ такія минуты свои радости и скорби; даже болѣе того, — онъ готовъ былъ съ каждымъ изъ насъ переживать и успѣхи и неудачу, и радость и горе, всегда и всякому готовъ былъ придти на помощь — одного утѣшить и ободрить, другого наставить и направить, не какъ начальникъ, но какъ любящій наставникъ, мудрый отецъ, искренній другъ. Я много разъ видѣлъ его въ такія минуты и любовался имъ. Что-то неземное отражалось на лицѣ почившаго, когда онъ, забывъ свои болѣзни и страданія, сіялъ радостію при успѣхѣ студента, придавая при этомъ иногда самому незначительному случаю великую важность, или когда скорбію омрачался при неудачѣ или несчастіи его ученика. Еще замѣчательно свойство почившаго: гигантъ мысли и духа онъ никогда не взиралъ съ высоты на малосильныхъ, обращающихся къ нему, и никого не давилъ своимъ авторитетомъ, всегда вліяя одною лишь нравственной силой, и этой силой былъ въ состояніи привлечь самыхъ непокорныхъ къ себѣ.

Мнѣ извѣстенъ источникъ любви владыки ректора къ намъ студентамъ. Кромѣ того, что почившій, какъ вѣрный ученикъ Христовъ, какъ служитель алтаря, усвоившій духъ Христова ученія, готовъ былъ быть всѣмъ для всѣхъ, а слѣдовательно и прежде всего для тѣхъ, пасти кого онъ былъ приставленъ, — кромѣ этого былъ другой источникъ: почившій вѣрилъ въ студентовъ, вѣрить въ ихъ благородство и честность; студентовъ въ нашъ матеріальный вѣкъ онъ считалъ преимущественными и искренними носителями идеаловъ, носителями безъ притворства и обмана, безъ лести и расчета; ихъ онъ мечталъ видѣть не только проповѣдниками, но и дѣйствительными представителями и выразителями христіанско-культурной жизни въ нашей родинѣ. Эта вѣра его была такъ сильна, что никакія наши промахи и ошибки, никакія наши уклоненія отъ идеала не могли поколебать ее. Владыка и тогда, когда мы, кажется, должны были заставить его усумниться въ насъ, вѣрилъ, а вѣра горячо любилъ насъ.

Но почившій не ограничивался однимъ переживаніемъ нашихъ радостей и печалей, одними наставленіями и утѣшеніями насъ. Свой долгъ начальника въ отношеніи насъ онъ понималъ чрезвычайно высоко и широко. Задачею своей дѣятельности онъ ставилъ не одно управленіе заведеннымъ уже механизмомъ учебнаго дѣла въ нашей alma mater, но и внесеніе всякихъ улучшеній и духовныхъ и матеріальныхъ въ нашу студенческую жизнь, энергичное и живое содѣйствіе развитію всѣхъ проявленій и сторонъ нашей студенческой жизни, не только умственной и нравственной, но и эстетической. Большинство изъ насъ живо помнятъ, какъ былъ отзывчивъ владыка ко всему, что могло содѣйствовать тому или иному нашему развитію; подается ли мысль объ учрежденіи среди студентовъ психологическаго общества, почившій съ воодушевленіемъ хватается за нее, хлопочетъ объ утвержденіи этого общества, присутствуетъ на его собраніяхъ, не смотря на приступы болѣзни, его мучившей, выслушиваетъ длинные рефераты, принимаетъ участіе въ преніяхъ, дѣлясь съ своими собесѣдниками цѣнными знаніями своего обширнаго научнаго опыта. Задумывается ли устройство музыкальнаго студенческаго кружка, и здѣсь почившій, самъ музыкантъ, эстетикъ и поэтъ въ душѣ, не только одобряетъ студенческій начинъ, но и изыскиваетъ средства, необходимыя при первоначальномъ устройствѣ кружка. А какъ почившій

заботился о матеріальныхъ нуждахъ студентовъ, какъ близко къ сердцу принималъ онъ заявленія каждаго изъ насъ, это знаетъ всякій, кому когда-либо пришлось обращаться съ просьбою къ нему. Указывать ли на факты? Достаточно одного, не нуждающагося въ комментаріяхъ: владыка первый подалъ мысль объ устройствѣ при обществѣ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ кассы краткосрочныхъ для студентовъ ссудъ и, не смотря на то, что предложеніе его вмѣсто сочувствія встрѣтило одни сильные протесты и со стороны сильныхъ лицъ, довелъ это дѣло до конца и, внесши свою посильную лепту, положилъ начало кассѣ, которая выручила уже изъ нужды не одного изъ насъ.

Правда, аскетическая самозаключенность почившаго пр. ректора, а еще болѣе надломленныя въ конецъ силы, постоянное болѣзненное состояніе (особенно въ послѣднее его пребываніе среди насъ), не всегда позволяли ему приводить въ исполненіе свое желаніе быть всѣмъ для всѣхъ насъ. Часто немощное тѣло удерживало сильный духъ, не позволяло ему развернуться во всей шири и мощи, во всей полнотѣ его благихъ намѣреній и желаній, и почившій долженъ былъ въ уединеніи, въ кельѣ переживать все касающееся насъ, переживать со скорбію, съ терзаніемъ души.

Нѣкоторые изъ насъ, быть можетъ, только чувствовали все это и за это проникались неподдѣльною любовію къ нему; но я одинъ изъ тѣхъ, которые прямо, непосредственно испытали теплоту его чистаго сердца; я одинъ изъ тѣхъ, которые изъ устъ его слышали жалобу на безсиліе осуществить всѣ до одного благіе порывы, исключительно къ нашему благу направленные; я одинъ изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями глубокой скорби, озарявшей при этомъ горестномъ сознаніи аскетическое лице его.

Да, почившій былъ вдвойнѣ страдалецъ. Онъ страдалъ тѣломъ, но онъ страдалъ и духомъ. Страдалъ духомъ не отъ немощи, а отъ избытка духа, смѣлые и рѣшительные порывы котораго связывались, какъ нѣкими оковами, узами немощной плоти. То было печально величественная картина!

Товарищи! Бывшій предстоятель нашей церкви, нашъ отецъ, нашъ другъ умеръ! Но не умеръ безсмертный духъ его, не умерла его любовь къ намъ, не умерли его завѣты, которые онъ оставилъ намъ, и связь его съ нами не порвалась. Если мы и не видимъ реально этой связи, то наша

вѣра настойчиво, неотразимо убѣждаетъ насъ, что почившій не оставилъ насъ совсѣмъ, что онъ и теперь оттуда, съ высоты смотритъ на насъ и такъ же, какъ прежде готовъ и скорбѣть и радоваться съ нами.

Но мы сохранимъ ли свою связь съ почившимъ? Сбережемъ ли любовь къ нему, оправдаемъ ли его вѣру въ насъ, осуществимъ ли надежды, какія онъ возлагалъ на насъ, пойдёмъ ли царскимъ путемъ правды, чести, долга, который онъ указывалъ намъ, или разбредемъ по распутіямъ въ поискахъ за иными идеалами?

Студ.-Свящ. Г. Шавельскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки